

Паришуткина
НАДЕЖДА

Тысяда
страши
ОСЕННЕЙ ЛЖИ

Надежда Паршуткина

Тысяча страниц осенней лжи

«Автор»

2026

Паршуткина Н.

Тысяча страниц осенней лжи / Н. Паршуткина — «Автор», 2026

Всё начиналось как сделка. Брак по контракту, фиктивные чувства и чёткие условия. Я думала, главное выдержать его характер и не забывать, где заканчивается спектакль. Но потом он прошептал: «Держись, я рядом» — и в его голосе не было ни капли игры, только тихая, настоящая тревога. А когда я, уже спасённая и согретая, спросила: «Почему ты всё это время был здесь?» — он ответил просто: «Потому что хотел быть». И в этой простой фразе оказалось больше правды, чем во всех наших хитроумных договорённостях. Иногда любовь приходит тихо, как осенний листопад, и остаётся навсегда.** Книга прекрасно подойдет для осеннего вечера: Романтичная, Тёплая, Осенняя, Уютная.

© Паршуткина Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Надежда Паршуткина

Тысяча страниц осенней лжи

Глава 1

Артем

Сидеть в кожаном кресле в кабинете нотариуса в такую погоду должно было считаться преступлением против человечности. За окном октябрь размазывал по стеклу слезы из дождя и последних желтых листьев, а в голове у меня стоял густой, как туман, один-единственный образ: пустая веранда нашего поместья, кресло-качалка, на которой дед всегда курил трубку, и тишина, пахнувшая дымом и яблоками. Мне отчаянно хотелось быть там. Не здесь, в этом стерильном кабинете, пахнущем пылью и деньгами, а там – глотать комок в горле и слушать, как ветер гуляет в опустевшем доме.

Сегодня ровно сорок дней. Сорок дней, как не стало человека, который, по сути, был мне отцом. Мы редко виделись в последние годы – бизнес, встречи, вечная гонка, – но я всегда знал: он есть. Его крепкая, неспешная жизнь где-то там течет параллельно моей суете. И вот этот стержень, эта точка опоры исчезли. Осталось лишь это идиотское желание – бросить всё, приехать в поместье и просто... посидеть в его кресле. Погрустить, как нормальный человек.

Но мне не дали и этой роскоши. Сначала похороны в стиле «дед ненавидел бы эту помпезность», потом аврал на работе, который я с головой использовал как оправдание, чтобы не чувствовать. А теперь – этот звонок.

– Артем Сергеевич, завешание вскрывается сегодня в одиннадцать. Присутствие обязательно.

Я ехал в офис, строил планы на день, а получил дорогу в ад, растянутую на полчаса. И вот я здесь.

Кабинет был полон. Настолько полон, что пахло не только пылью, но и дорогими духами моей тети Ирины и ее дочери Алисы. Они сидели напротив, две яркие, хищные птицы в трауре от кутюр. Рядом – моя мать, с привычным выражением вечной, немного отстраненной грусти. И двоюродная сестра, которая уже подсчитывала в уме, хватит ли ей на новую иномарку.

Нотариус, мужчина с лицом бухгалтерского отчета, монотонно бубнил что-то о движимом и недвижимом имуществе. Я отключился после первых же фраз.

– Загородная вилла в Лисьем Носу... племяннице Ирине... Коллекция автомобилей... внучатому племяннику... Доля в семейном бизнесе...

Было обидно. Горько и по-детски обидно. Не из-за машин или акций – черт с ними. А из-за ощущения, что дед... вычеркнул меня. Оставил на обочине этой раздавливающей семейной дележки. Я сгребал пальцами ручку и смотрел в законную хмарь, чувствуя себя последним идиотом, который все же надеялся. И тут я услышал свою фамилию.

– ...а также загородное поместье «Дубраву» со всей обстановкой и прилегающими землями, — голос нотариуса на секунду задержался на мне, — Я завещаю своему внуку, Артему Сергеевичу Орлову.

Голос нотариуса прозвучал так, будто он объявил о передаче в собственность пачки офисной бумаги. А в воздухе будто шар лопнул. Тихо, но с последствиями.

Я почувствовал, как на меня уставились взгляды. Все семейство, словно стая изысканных грифов, разом повернула головы в мою сторону. В глазах — недоумение, быстро перетекающее в чистый, неподдельный яд.

– Что? — вырвалось у меня. Не потому, что не расслышал, а потому, что мозг отказывался верить. Дуброва. Дом. Мой дом!

– Почему вилла достается ему? — пронзительный, писклявый голос тети врезался в тишину, словно стеклорез. — Прямые наследники Марка Дмитриевича — я и Оля! Почему ЕМУ?

Она смотрела на меня так, будто я только что отобрал у ее дочки Алиски последнюю куклу, да еще и наступил на нее каблуком. Вилла. Не просто недвижимость. Это было место, где пахло дедушкиной трубкой и свежескошенной травой, где в детстве я ломал коленки, а в отрочестве — сердце. Это был единственный кусок мира, который я по-настоящему любил.

– Так решил ваш отец, — безразлично парировал нотариус.

Внутри все ёкнуло от щемящей радости. Он помнил. Дед помнил. Значит, не злился, что я редко бывал. Значит, простил.

– Я могу идти? Это всё? — поднялся я, чувствуя, что должен немедленно вырваться из этой удушающей атмосферы и поехать туда, навестить наш дом, но нотариус поднял руку.

– Нет, не всё.

Ледяная струя пробежала по спине. Вот она, ловушка. В завещании моего деда всегда должна была быть ловушка.

– Чтобы вступить в права наследования, вы должны на момент открытия наследства состоять в зарегистрированном браке, — его голос обрел металлический оттенок. — И совместно с супругой прожить в поместье весь октябрь и ноябрь. Брак должен продлиться не менее года. В противном случае, имущество переходит к остальным наследникам.

В кабинете повисла тишина, густая и липкая. А потом тетя издала звук, похожий на мяуканье довольной кошки.

– Но?... — это было все, что я смог выдать. Внутри все переворачивалось.

– Таково условие покойного, — сладко прошипела тетя. — Я надеюсь, ты женат?

Она смотрела на меня с ехидным, ядовитым торжеством. Она-то знала. Знала, что я с головой ушел в бизнес. Знала, что мои «отношения» редко длились дольше, чем пара месяцев. Работа — вот моя жена, любовница и муза.

– А по-другому никак? — уточнил я, уже зная ответ.

– Никак, — подтвердил нотариус.

– Да, — вдруг выдохнул я, глядя в пространство перед собой. — Женат.

– О, отлично! — тут же воскликнула тетя, и в ее глазах вспыхнул азарт охотника, почувствовавшего ложь. Она не верила ни секунды.

Вся дорога от нотариуса до офиса прошла в тумане. Десять дней. У меня есть всего десять дней, чтобы найти жену. Это абсурд. Цирк с конями. Где я вообще возьму женщину, которая согласится на такую авантюру? Брак на год. Фиктивный брак. Дед, ты чего творишь?

Я сидел в своем кабинете, уставившись в панорамное окно, но не видя ни дождя, ни суеты мегаполиса. В ушах стоял звон. Было страшно. Не из-за денег — с ними у меня всё было в порядке. Было страшно потерять Дуброву. Последнюю ниточку, связывающую меня с тем, что по-настоящему важно. С тем, что было домом. Дверь приоткрылась.

– Артем Сергеевич, документы на подпись.

В кабинет вошла София, моя личная помощница. Всегда собранная, идеальная, с невозмутимым лицом и умением решать любые проблемы до того, как они становятся проблемами.

Она что-то говорила о том, какой теплый и прекрасный дождь, о планах на следующий квартал... Но я не слышал. Я смотрел на нее.

Смотрел на ее спокойные, умные глаза, на аккуратно уложенные волосы, на руки, которые никогда не дрожали, держа кофе или самый важный контракт. Она была логична, предсказуема и абсолютно надежна. В моем мире, где все было под контролем, она была идеальным элементом системы.

И прежде чем мозг успел догнать и проанализировать безумие этой идеи, слова уже сорвались с губ.

– София, выходите за меня замуж?

Повисла тишина. Она замерла с папкой документов в руках, ее глаза округлились. Похоже, я только что совершил единственную непредсказуемую вещь в ее безупречной карьере.

Глава 2

Артем

София смотрела на меня так, будто я только что предложил ей поджечь небоскреб и спуститься с него на парашюте из конфиденциальных документов. Ее глаза, обычно — два кристально ясных озера спокойствия и сосредоточенности, стали огромными, как блюдца. В них плавал чистый, немой ужас, смешанный с полным отказом верить в реальность происходящего. Казалось, воздух в кабинете загустел и зазвенел от натянутости. Я и сам чувствовал себя идиотом. Слова повисли между нами абсурдным, несмысленным пятном. Что, черт возьми, на меня нашло? Это должно быть, был тот самый «синдром менеджера», о котором все говорят? Перегрузка и выгорание?

Я впился взглядом в ее лицо, отчаянно пытаюсь найти хоть какую-то черту, которая могла бы оправдать мой спонтанный психоз. Но нет. Она была... обычной. Невзрачной. Идеально подобранной деталью корпоративного механизма. Практически невидимка в сером потоке офиса. Большие, строгие очки в тонкой металлической оправе, которые она имела привычку поправлять средним пальцем, когда была чем-то недовольна. Ее волосы, цвета воронова крыла, были намертво зачесаны, что, казалось, ни одна мысль не могла выбиться из этой идеальной прически. И ее униформа — эти бесконечные, отлично сидящие, но безликие серые брючные костюмы, которые сливались с цветом мебели и стен, делая ее человеческим воплощением тени. За три года работы она была для меня не женщиной, а функцией. Безупречным интерфейсом между мной и миром. В моей жизни были другие — сверкающие, пахнущие дорогими парфюмами, одетые в шелка и улыбки. А София была тихим, идеально отлаженным гулом работающего компьютера. Шестеренкой, которая никогда не давала сбой.

И сейчас эта шестеренка застыла, издавая тихий треск. Она смотрела на меня поверх очков, приспустив их на кончик носа, и в этом взгляде читалась паника загнанного в угол зверя, который вот-вот или бросится в атаку, или обратится в бегство.

— Вы с ума сошли? — ее голос, обычно такой ровный и диктофонно-бесстрастный, прозвучал хрипло, будто она едва не подавилась собственным дыханием. Она медленно, как в замедленной съемке, покачала головой. — Вы мне предлагаете... **ФИКТИВНЫЙ БРАК**? Артем Сергеевич, — она сделала паузу, давая словам набрать вес, — По-вашему, я кто? Наемная актриса? Отчаявшаяся дура, готовая на все за ваши деньги?

И тут во мне что-то сорвалось. Плотина сдержанности, за которой копились отчаяние и ярость от всей сегодняшней клоунады, рухнула. Я начал объяснять. Сбивчиво, торопливо, жестикулируя так, будто от этого зависела моя жизнь. Я говорил про деда, про его последнюю, самую изощренную шутку, про виллу «Дуброву», про скрип половиц в коридоре и запах старого паркета, который я помнил с детства. Я тараторил про абсурдное условие завещания, про осень, про год, про то, что не могу позволить этой стае гиен растерзать единственное место, где у меня когда-то было настоящее. Я умолял, убеждал, что это всего лишь сделка, спектакль, юридическая формальность. Что я согласен на любые, самые безумные ее условия, лишь бы она кивнула.

— Софочка, милая, ну я не знаю, кому еще такое предложить! — я сам услышал в своем голосе непривычные, почти унижительные нотки мольбы. — Все остальные... они либо сразу решат, что я спятил, либо начнут строить козни. А ты... ты же все знаешь. Ты помнишь всех моих тетюшек и их вечные претензии, ты организовывала похороны, ты единственная, кто понимает, каким он был. Разве не может начальник внезапно осознать, что был слеп, и влю-

биться в свою гениальную помощницу? Это же логично! Давай хотя бы попробуем! Я не могу... я не могу потерять этот дом.

Она отступила на шаг, будто отшатнулась от чего-то заразного. Ее спина уперлась в косяк двери.

— Нет! Я против! Это бред! Это не входит в мои должностные обязанности.

— Что ты хочешь взамен? — выпалил я, понимая, что все мои сентиментальные аргументы разбиваются о гранит ее здравого смысла. Оставался один-единственный язык, который мы оба понимали — язык цифр и контрактов. Холодный расчет.

Она замолчала. Наступила тишина, такая густая, что в ушах начал звенеть собственный пульс. Она изучала меня так пристально, будто искала в моих глазах малейшие признаки белой горячки или черепно-мозговой травмы. Ее взгляд скользнул по моему лицу, задержался на дрожащей руке, сжимавшей край стола, и, наконец, упал на мой блокнот, лежавший рядом. Медленно, с преувеличенной, почти церемонной аккуратностью, она оторвала чистый лист. Взяла мою собственную, подаренную кем-то, массивную перьевую ручку и вывела на бумаге цифру. Не черточку, не каракулю, а четкую, каллиграфическую, с большим, жирным количеством нулей. Она не сунула листок мне в руки, а просто развернула его и подняла на уровень моих глаз, как табличку на аукционе. Я присвистнул, и звук получился глухим, беспомощным.

— Ты серьезно?

— Да, — ее голос вновь обрел стальную, негнущуюся твердость. В нем не было ни сомнения, ни жадности. Только холодная констатация факта. — Всё же я должна буду вас терпеть целый год. А это, поверьте, тяжелый труд.

Терпеть? Меня будто ошпарило кипятком. Это слово врезалось в мое самолюбие острее и болезненнее, чем даже эта чудовищная сумма. Я — Артем Орлов, тот, за кем женщины бегают стайками, чье внимание считается призом, чье общество честью... И меня, выходит, нужно будет терпеть? Как плохую погоду? Как скучную лекцию? Я почувствовал, как по щекам разливается горячий стыд, и губы уже сами собой раскрылись, чтобы рывкнуть что-то обидное, парировать, унизить в ответ. Но я сглотнул ком возмущения, сжал кулаки так, что кости хрустнули. Другого выхода не было. Совсем.

— Я согласен, — выдавил я сквозь зубы, и слова прозвучали как приговор.

— И половину сразу. Без обсуждений, — без тени сомнения парировала она, аккуратно складывая листок пополам и убирая его в карман своего пиджака. Ее движения были выверенными, как у хирурга. — Вдруг вы передумаете. Или... что более вероятно... передумаю я.

Глава 3

София

Было странно. Ощущение, будто я играю главную роль в чужом сне, в который сама же и не верю. Свадьба! Ну, знаете, та самая, о которой девочки грезят с детства: белое платье, толпа гостей, слезы счастья. А у меня был серый, отлично сидящий костюм, который я купила для важных переговоров, и легкая паника, прячущаяся за маской деловой невозмутимости.

Мы просто расписались в ЗАГСе. Самом обычном, пахнущем старыми книгами и официальными процедурами. Никаких толп, никаких слез. Только мы, свидетель Артема — его вечно нервный адвокат, и моя подруга Катя, которая смотрела на меня так, будто я сообщила ей о планах добровольно слетать на Марс в один конец.

Артем стоял рядом, и он был идеален. Идеален в своей роли жениха. Его рука на моей талии была твердой и уверенной, его улыбка — ровной и обаятельной, достаточной, чтобы убедить кого угодно. Он ловил каждый мой взгляд и отвечал на него таким теплым, таким настоящим взглядом, что у меня на секунду ёкало сердце, прежде чем мозг сухо напоминал: «Спектакль, дорогая. Только спектакль».

А потом он достал кольцо. Я почему-то не ожидала этого. В нашей сумасшедшей сделке, прописанной в тридцати страницах контракта, о кольцах не было ни слова.

— Чтобы все думали, что это взаправду, — тихо сказал он, беря мою руку. Его пальцы были теплыми, а мои ледяными.

Он надел его. Кольцо было... прекрасным. Не вычурным, не кричащим о своей ценности, но изящным и невероятно тонкой работы. Холодный белый металл и идеально ограненный бриллиант, ловивший тусклый свет загосовской люстры и рассыпавший его радужными зайчиками. Оно было того размера, о котором я сама бы и мечтала, будь это реальность.

И в этом жесте была какая-то дурацкая, сбивающая с толку театральность. Он мог купить самое дешевое золотое кольцо, лишь бы было. Но он выбрал это. То, что идеально сидело на моем пальце. То, что заставляло меня украдкой смотреть на него и чувствовать странное, предательское щемящее чувство под ложечкой.

— Поздравляю вас, вы объявлены мужем и женой, — прозвучал голос сотрудницы ЗАГСа, и в ее глазах я прочитала стандартное умиление. Она купилась. Купилась на красивую картинку успешного мужчины и его, видимо, скромной, но любимой невесты.

Артем повернулся ко мне. По сценарию полагался поцелуй. В контракте это было оговорено: «краткий, дружеский, в щеку или в уголок губ, по взаимной договоренности». Но в его глазах на секунду мелькнула та же растерянность, что была и у меня. Мы оба застыли.

И тогда он наклонился. Быстро, почти нерешительно. Его губы коснулись моей щеки, чуть ближе к губам, чем договаривались. Прикосновение было легким, теплым и длилось на секунду дольше, чем нужно для протокола. От него по коже пробежали мурашки — не от отвращения, а от нелепости и щемящей нереальности происходящего.

— Поздравляю, госпожа Орлова, — прошептал он мне на ухо, и от этого нового имени стало как-то не по себе.

— Взаимно, — выдавила я, чувствуя, как горит лицо.

Мы вышли из ЗАГСа под мелким октябрьским дождиком. Его адвокат что-то быстро говорил о документах, Катя молча сжимала мою руку, а я смотрела на обручальное кольцо на своем пальце. Оно было красивым, холодным и невероятно тяжелым. Тяжелым не от веса металла, а от осознания, что теперь мне предстоит целый год носить эту блестящую ложь и пытаться не забыть, где заканчивается спектакль и начинаюсь я.

А после этого, словно очнувшись от одной нелепости, он объявил, что мы немедленно едем на виллу.

— В условиях договора — прожить всю осень там. Чем раньше начнем, тем лучше, — сказал он своим обычным, лишенным эмоций тоном, каким обычно говорил «перенесите мое совещание на полчаса».

Я просто кивнула, пряча дрожащие руки в карманы пальто. Согласилась. Что мне оставалось делать? Эти деньги... они были не просто цифрой на счете. Они были билетом в другую жизнь. В мою жизнь. В маленький книжный магазин с пахнущим кофе и старыми книгами, с уютными креслами и звонком на двери. Этот брак-фарс был всего лишь странным, унижительным, но необходимым испытанием на пути к своей мечте. Я повторяла это себе как мантру, глядя в окно машины, увозившей нас из города.

В дороге Артем молчал, уткнувшись в телефон. Таким я его знала все эти годы — сосредоточенная, целеустремленная машина для подписания документов и принятия решений. Я была готова к тому, что мы поедем в какой-нибудь современный, стерильный особняк из стекла и бетона, этакий офис за городом.

Но когда машина свернула с шоссе на узкую, засыпанную золотыми листьями аллею, и сквозь оголенные ветки деревьев показались крыши, у меня перехватило дыхание. Мы подъехали к кованым воротам, за которыми открылась картина, будто сошедшая с осенней открытки.

Вилла... нет, даже не вилла. Поместье. Оно было огромным. Не помпезным, а величественным, дышавшим историей. Трехэтажный особняк из темного кирпича и светлого камня, с остроконечными черепичными крышами, множеством окон и широким крыльцом. Он не кричал о богатстве, он просто стоял, прочно и незыблемо, как часть этого пейзажа.

Но больше всего меня шокировал не сам дом. А Артем. Он отложил телефон. Вышел из машины и замер, глядя на фасад. И на его лице, всегда таком собранном и закрытом, появилось выражение, которого я раньше не видела никогда. Что-то среднее между облегчением, грустью и... нежностью. Его плечи, обычно напряженные, расслабились. Он глубоко вдохнул воздух, пахнущий влажной землей, дымом и прелыми листьями.

— Добро пожаловать в «Дуброво», — сказал он тихо, и в его голосе прозвучали несвойственные ему мягкие нотки.

Я стояла рядом с чемоданом, не в силах отвести взгляд ни от дома, ни от него. Это был не тот Артем, которого я знала. Машина для подписания документов не смотрела бы на старые стены с таким трепетом. И уж точно не поехала бы добровольно в такое уединение на целых два месяца.

Перед домом расстился большой, ухоженный сад. Осень уже сделала свое дело — кроны были оголены, клумбы пустовали, но в их аккуратности угадывалась чья-то заботливая рука. А в центре сада, засыпанный опавшей листвой, замер на зиму небольшой фонтан с каменной чашей.

— Пойдем, — он взял мой чемодан, словно на автомате.

Я молча последовала за ним по гравийной дорожке, мое деловое равновесие окончательно пошатнулось. Этот дом, этот сад, этот внезапно преображенный Артем... Моя роль «влюбленной жены» внезапно показалась мне не просто сложной, а опасной. Потому что играть перед расчетливым циником — одно. А притворяться здесь, в этом месте, где даже воздух казался пропитанным историей и настоящими чувствами, — совсем другое.

Глава 4

София

Мы вошли в дом, и меня тут же окутало тепло, пахнущее воском, печеными яблоками и старой древесиной. Прежде чем я успела рассмотреть просторный холл с темным дубовым паркетом и широкой лестницей, навстречу нам стремительно выпорхнула пожилая женщина в безупречно белом фартуке. Ее лицо, испещренное морщинами, светилось такой искренней радостью, что у меня на мгновение сжалось сердце от обмана.

— Артемушка! Ну наконец-то! — она распахнула руки, словно собиралась обнять нас обоих разом. — И жену свою привез! Ну что же ты все скрывал, а? Надо было сразу познакомиться нас с такой красавицей!

Я почувствовала, как Артем застыл рядом со мной.

— Марина Николаевна? — в его голосе прозвучало неподдельное удивление. — Я не думал, что вы... что вы еще в доме.

Женщина отмахнулась от него, словно от назойливой мухи.

— А где же мне еще быть? Я здесь все сорок лет как держусь! Проходите, проходите, к вашему приезду все готово.

Она ловко отобрала у Артема мой чемодан, а его портфель и вовсе прижала к груди, как мать, встречающая сына-студента. Артем, оставшись без вещей и, похоже, без плана, не придумал ничего лучше, как взять меня под локоть и повести на импровизированную экскурсию.

— Пойдем, я покажу тебе дом, — сказал он с натянутой нежностью, которую, должно быть, видел в плохих романтических комедиях.

Я молча кивнула, чувствуя себя актрисой, которую бросили на сцену без репетиции. Мы прошли по комнатам, и он что-то говорил о деде, о высоких потолках, но я почти не слушала. Мозг лихорадочно пытался запомнить план этажа на случай, если придется спасаться бегством.

Через полчаса Марина Николаевна позвала нас ужинать. Стол в столовой был накрыт с такой тщательностью, словно ждал королевскую чету. Пахло наваристым борщом и свежим хлебом.

— Ну рассказывайте, рассказывайте! — не унималась Марина Николаевна, с любовью наблюдая, как Артем ест. — Какая у тебя жена-то молодежная, Артемушка! А где вы познакомились-то?

В воздухе повисла секунда тишины, наэлектризованная до предела.

— На работе, — сказала я, решив, что правда самое простое прикрытие.

— В отпуске, — одновременно выпалил Артем.

Мы замерли, уставившись друг на друга. Марина Николаевна перевела взгляд с него на меня и обратно, и в ее глазах загорелся огонек не умиления, а пристального, испытующего интереса. Она смотрела на нас, как на двух идиотов, только что признавшихся в краже.

— Ну, то есть... мы работали вместе, — поспешно начал Артем, и я увидела, как по его щекам пополз предательский румянец. — Но ближе... да, ближе узнали друг друга именно в отпуске. Случайно встретились.

— Да, — подхватила я, делая сладкую улыбку, от которой сами зубы ныли. — Это была... настоящая любовь с первого взгляда.

— Ох, как мило! — воскликнула Марина Николаевна, но в ее голосе теперь явственно слышались нотки сомнения.

И в этот самый момент, словно по злому умыслу судьбы, тяжелые входные двери со скрипом распахнулись. В холле послышались голоса, и в столовую, не снимая дорогих пальто, впорхнули две знакомые мне женщины — тетя Ирина и ее дочь Алиса. Марина Николаевна тут же сорвалась с места и пошла к ним навстречу.

Я наклонилась к Артему, так, чтобы губы почти касались его уха.

— А они что тут делают? — прошептала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Он посмотрел на вошедших, и все остатки крови отхлынули от его лица. Он был бледен, как стена.

— Если бы я знал, — тихо, с отчаянием ответил он.

И в эту секунду я поняла: наш тщательно прописанный контракт, наши условленные сигналы и отрепетированные фразы — все это было просто детскими играми в песочнице. А настоящая игра, жестокая и без правил, только что началась. И мы к ней были не готовы. Совсем.

— Ой, а Артем уже здесь? — нарочито-удивленный голос, от которого у меня свело скулы.

Тетя Ирина, не снимая пальто, остановилась, окидывая нас с Артемом оценивающим взглядом хищницы, вышедшей на охоту. Ее глаза, острые и блестящие, как булавки, на секунду задержались на моем ледяном лице, а затем на бледном, как полотно, лице ее племянника.

— Боже, как вы хорошо смотрите вместе! — она изобразила умиление, от которого захотелось вытереть лицо салфеткой. — Ну, здравствуй, невестушка! Наконец-то наш Артем остепенился.

— Здравствуйте, — выдавила я, и мой голос прозвучал как скрип ржавой двери в склепе.

— Я так рада! Так рада за вас! — продолжала она театральным шепотом, прижимая руку к груди, словно ее вот-вот хватит удар от переполнявших ее чувств.

Без всякого приглашения она устроилась за нашим столом, прямо напротив, и принялась рассказывать о каких-то бесконечных хлопотах, о том, как они все были заняты, закрутились и совсем забыли о самом главном. Я кивала, глядя в тарелку, где борщ остыл и покрылся жирной пленкой, и пыталась понять, куда же, черт возьми, подевалась Марина Николаевна. Мое

внутреннее чутье кричало, что эта женщина — единственный вменяемый человек в радиусе километра.

До меня медленно начало доходить, что болтовня тети Ирины — не просто фон. В ней была какая-то цель. Какая-то ужасная, неизбежная цель.

— Простите, — наконец перебила я ее, поднимая взгляд. — О чем вы, говорите, забыли?

Тетя Ирина уставилась на меня с притворным изумлением, будто я спросила, почему небо голубое.

— Ну, как же! Прием! — воскликнула она, разводя руками, словно эти два слова должны были все объяснить. — Наш отец, Марк Дмитриевич, каждый год на Хэллоуин устраивал грандиозный званый ужин для всех друзей и родных. Это была святая традиция! Вот мы и приехали заранее, чтобы помочь с подготовкой. Я так рада, что вы, как новая хозяйка, конечно же, нам поможете!

В ушах зазвенело. Праздник. Хэллоуин. Гости. Орда этих вот... людей, которые будут пилиться на нас, задавать каверзные вопросы и проверять каждое наше движение на вшивость. У меня похолодели кончики пальцев.

— Я тоже... рада, — скрепя сердце, прошипела я, чувствуя, как по моему лицу расплывается гримаса, которую она, наверное, примет за восторженную улыбку.

Праздник. Черт! Ненавижу праздники! А этот, я чувствовала, станет для меня настоящим адом, упакованным в яркую обертку из тыкв и привидений. Я украдкой взглянула на Артема. Он смотрел в пространство перед собой с таким видом, будто его только что приговорили к высшей мере.

Глава 5

София

Эту процессию в спальню с полным правом можно было бы назвать «Церемонией проводов в первую брачную ночь от ада». Нас торжественно сопровождали по всему коридору: тетя Ирина с таким сладким и одновременно пронзительным взглядом, будто она пыталась рентгеном просветить мой хребет на предмет готовности к деторождению, и Марина Николаевна, чье лицо выражало смесь умиления и бдительности сотрудника ФСБ на дежурстве.

— Спокойной ночи, птенчики! Сладких снов! — щебетала тетя, многозначительно подмигивая.

— Да-да, спите хорошо, — вторила ей Марина Николаевна, поправляя уже идеально лежавшую салфетку на комод у двери. — Главное высыпаться. Вам теперь вдвоем нужно силы беречь.

Мы стояли, как два идиота, прижавшись друг к другу в дверном проеме, и издавали звуки, похожие на сдавленный смех. Я чувствовала, как мышцы спины Артема наливаются свинцом, а его «спасибо, тетя, конечно» звучало так, будто он давился гвоздями.

И вот, наконец, дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал как выстрел, возвещающий начало нашего личного, маленького ада. Мы остались одни в просторной спальне, где центральным элементом, словно насмешка, возлежала огромная, шикарная кровать. Рядом скромно ютился небольшой диван, явно не предназначенный для сна, письменный стол и два кресла.

Я уперлась руками в бока и уставилась на Артема. Он же, словно заведенный тигр в клетке, начал мереть комнату шагами — от камина к окну, от окна к двери.

— Ты сказал, что мы просто переживем два месяца в этом доме, — начала я, и мой голос прозвучал подозрительно спокойно. — О родне, дежурящих в коридорах, и обязательных праздниках с проверкой на прочность ты как-то умолчал.

Он замер, провел рукой по лицу.

— Я забыл про этот дурацкий праздник. Честно. Прости!

— Забыл? — мой сарказм мог бы расплавить сталь. — Здорово! Просто замечательно! Ты забыл о главном событии сезона, ради которого, похоже, сюда съезжается все светское общество вашей семьи!

Я сама прошла по комнате, сметая взглядом все углы, а потом волна усталости от всего этого цирка накрыла меня с головой. Просто захлестнула.

— Ладно. Выйди из комнаты. Я хочу принять душ и лечь спать. Обсудим это завтра, с утра пораньше, желательно до первого шпиона у двери.

Артем грустно вздохнул и указал пальцем на одну из дверей.

— Ванная там. А вот из комнаты я при всем желании выйти не смогу.

— Почему? — насторожилась я.

— А ты сама выгляни в коридор, — он мотнул головой в сторону двери.

Я подкралась к ней, приоткрыла на сантиметр и заглянула в щелку. Мое сердце упало куда-то в район ковра. В дальнем конце коридора, словно два часовых у стен мавзолея, стояли тетя Ирина и Марина Николаевна. Они о чем-то оживленно беседовали, но было абсолютно ясно — это не пятиминутный разговор. Это бдение.

— Ладно, — сдалась я, закрывая дверь.

Я схватила полотенце, свою спасительную пижаму и скрылась в ванной. Горячая вода на какое-то время смыла часть стресса. Я вернулась в комнату, ощущая себя чистым и пушистым зомби, готовым рухнуть на ближайшую горизонтальную поверхность.

Артем сидел в кресле, уставившись в узоры на ковре, но стоило мне войти, он поднял глаза. И... застыл. Его глаза округлились, челюсть отвисла. Он смотрел на меня так, будто я была пришельцем с Туманности Андромеды.

— Это... что? — тихо проскрипел он.

— Где? Что? — удивилась я, оглядывая себя.

— На тебе, — он попытался придать голосу деловой шик, но получился какой-то сдавленный писк. — Это... что на тебе надето?

— Что не так? — я подошла к большому зеркалу в резной раме и взглянула на свое отражение.

На меня смотрела я. Та самая, без грамма макияжа, с распущенными мокрыми волосами и в пижаме. В пижаме с розовыми единорогами. Не просто с рисунком, нет. Это был полноценный комбинезон, с капюшоном, на котором красовался объемный рог, и с гривой из разноцветных ниток. Я купила ее именно на этот случай — чтобы максимально обезопасить себя от любых намёков на романтику. Вид, безусловно, был... обезоруживающий.

— Все прилично, — заявила я, поворачиваясь к нему. — Ткань непрозрачная, все части тела скрыты.

Артем продолжал смотреть на меня с тем же остекеневшим ужасом.

— София, вы... вы единорог, — констатировал он, словно это было научное открытие.

— Вот такая у вас жена! — парировала я, с достоинством взбивая подушку. — Принимайте или оспаривайте в суде.

— Вы спите на диване, я в кровати, — заявила я ему, как только он вышел из ванной, указывая пальцем на жалкий, но симпатичный диванчик.

И тут мой мозг на секунду отключился. На Артеме были лишь низкие спортивные штаны, а его торс... Ну, он блестел... Блестел от капель воды, подчеркивая каждый, черт побери, каждый рельеф. Выглядело это... очень обалденно. До неприличия обалденно. Я сглотнула и быстро перевела взгляд на абакс, сделав вид, что он — самая интересная вещь в комнате.

— Это еще почему? — его голос вернул меня к реальности.

— Потому что так положено, — ответила я, снова обретая уверенность.

— Кем положено? — он скрестил руки на груди, отчего его бицепсы напряглись еще эффектнее.

Черт!

— Вселенскими законами! — выпалила я. — Когда муж с женой ругаются, муж уходит на диван. Не слышали такого?

— А если кто зайдет? — ехидно поинтересовался он, и в его глазах заплясали чертики.

— Скажем, что вы меня не удовлетворяете, — парировала я со сладкой улыбкой. — Поэтому я вас выгнала. Всё. Тема закрыта. Спокойной ночи.

С этими словами я с достоинством плюхнулась на кровать, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза, демонстративно повернувшись к нему спиной. Послышалось недовольное пыхтение, скрип пружин и возня. Я зажмурилась, стараясь дышать ровно и считать до десяти. До ста. До тысячи!

Но это было невозможно. Он ворочался, как рак на сковородке. То ляжет на бок, то на спину, издавая при этом звуки, похожие на стоны раненого носорога. Диван поскрипывал, одеяло шуршало, а его ноги, похоже, вообще не помещались.

— Вы там мышей ловите или клад ищете? — не выдержала я и села, уставившись на него в полумраке.

Он лежал на диванчике, закинув руки за голову, а его ноги от колен и ниже безнадежно свисали на пол. Диван был ему откровенно мал, и вид у него был поистине жалкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.